

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС ВЛАСТИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ГЕНЕЗИС

Мамедов А.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье рассматриваются актуальные вопросы социокультурных аспектов феномена власти в исторической ретроспективе. Целью является рассмотрение истоков тех реалий, которые оказывают существенное влияние на жизнедеятельность современных народов и государств со стороны госструктур. Автором проанализированы различные параметры контроля как одного из проявлений власти. Выводом служит положение о парадоксальности власти, которая, с одной стороны, предоставляет разнообразные социальные права, а с другой - отнимает у социальных институтов и индивидов, обеспечивающих их деятельность, реальную власть - доступ к управлению.

Ключевые слова: дискурс, власть, прогресс, социокультурные параметры, исторический экскурс.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-72-83

Ведите, кто-то должен последовать
Лао -Цзы

В социальной рефлексии во все времена актуальным является рассмотрение генезиса и эволюции власти. От неё (власти) напрямую зависит социальная картина, поэтому всегда следует обратиться к историческим истокам данного явления, рассмотреть его социокультурные параметры. Дискурсивные аспекты власти позволяют всесторонне обозначить данный феномен, лучше узнать его природу и проследить эволюцию.

Метаморфозы власти, особенно в форме парламентаризма, в последнее время в связи с событиями в Ю. Корее, Грузии и Франции приобрели актуальный характер и стали объектом пристального внимания. Эрозия некогда «вековых» структур поставила вопрос об их адекватности вызовам эпохи. Данная институция (парламентское правление) вполне естественна для Англии, которая и сформировалась как государство в лоне данной системы управления, история непрерывного существования которой уходит еще в XIII в., а корни еще глубже – в традицию Витенагемота - предтечи Парламента, консультационного и обладавшего правом верификации решений, имеющих государственное значение, Совета при короле, в который входили магнаты и представители духовенства. «В Англии <...> власть монарха никогда не была абсолютной. Ее ограничивали сначала богатая землевладельческая аристократия, а позднее – двухпалатный парламент. В 1649 году короля даже казнили за то, что он игнорировал политические требования парламента. <...> И все же в слабости английской короны таилась сила: поскольку политическая власть не концентрировалась в одних руках, подобное происходило и с богатством. Налоги могли взиматься только с одобрения парламента, и те, у кого были деньги, твердо знали, что монарх их ни у кого просто так не отнимет. Это было важным стимулом для предпринимателей» [21, с. 43]. Исследователи усматривают фундаментальную причину силы и успешности института парламентаризма в британской империи прежде всего в ее рационализме и протестантском духе, в отличие от «папистских».

Представляется, что одним из конструктивных уроков, который можно извлечь из уникальности английской политической истории, состоит в том, что успешность политической системы любого государства зависит напрямую от ее соответствия наработанным каждой культурно-этнической группой (народом) уникальным формам решения проблем коллективного сосуществования и выживания во внешней, по отношению к этой группе, среде. Простой перенос и «вживление» чужого политического устройства невозможно: «В России нет парламента. В России есть акционерное общество под названием «Государственная Дума», - ерничал небезызвестный К. Боровой [2, с. 2]. Нам

представляется, что это высказывание политика звучит не только спорно, но и даже эпатажно, но оно по-своему вызывает к учету уникальности социокультурного опыта каждого этноса в научном обеспечении политического управления. Современные тенденции построения многополярного мира подгоняют нас в согласовании –(междисциплинарном) сочетании исследовательских направлений: 1) историко-культурных – становление социума, 2) семиотических (включая социо-психологические аспекты, выраженные в нарративе – существование, бытие социума, 3) социологических (особенностей стратификационного состояния социума (например, по мнению С. Кордонского, структура российского общества носит не классовый, а сословный характер [12]).

«Человек, сын земли и неба, разве в глубине твоего сердца не скрыт дух бодрящей деятельности, сила, призывающая к труду, воспламеняющая тлеющий огонь, не дающая тебе покоя, пока ты не развернешься, пока ты не дашь силе той воплотиться в добрых делах! То, что несистематично и неясно, ты приведешь в порядок, сделаешь правильным, заставишь повиноваться тебе и нести плоды. Всюду, где царит беспорядок, ты должен выступить в качестве непримиримого его врага. Подави беспорядок; водвори порядок, покорный не хаосу, а разуму, Божеству! Если на пути твоём растёт репейник, выкопай его, чтоб на его месте могла вырасти полезная травка. Попадётся тебе не употребленный доселе кусок хлопчатника, собери его белый пух, начни прясть и ткать его, чтобы вместо бесполезной соломы получить хорошую ткань и прикрыть ею нагое тело человека» [10, с. 300].

Не зря предшественники оставляли фолианты нравоучений, поскольку Идея не возобладала над принципами современной жизни. Мы сегодня вынуждены признать, что так не превзошли наших предков кроме раздутого самомнения, ни на чем не основанного апломба под названием цивилизация. «Силясь сказать что-либо новое, живые лишь повторяют другими словами то, что мертвые говорили много веков назад. То, что мы считаем проявлением собственной личности и непосредственностью, продиктовано нам учителями, сокрытыми в лоне земли; они же, в свою очередь, переняли урок от других, ранее умерших» [1]. Возможно, в этой интерпретации становится понятнее естественная природа человека – десятки секунд кратковременной памяти аквариумных рыбок, которые обеспечивают им поступление информации в долговременную, против нескольких десятков лет человеческой истории, которую трудно естественным образом правильно интерпретировать для пополнения долговременной памяти человеческой культуры.

То, что полагается незыблемыми и неизменными декорациями нашей жизни, уже давно продается и покупается властью: «разбитые на участки» пространство и время обмениваются, продаются и покупаются точно так же, как любые «вещи» и предметы!» [13, с. 10]. Мы не видим в концептах, выведенных из текста большего смысла, чем некие костыли или стимулы мышления, избавляющие обывателя от скуки при столкновении с работами Эсхила или Шелли [14, с. 98].

В обстоятельствах, когда перед властью встают новые задачи, коренным образом меняющие привычный жизненный уклад населения, например, военные конфликты, экономический кризис, массовая миграция или эмиграция, появление или утрата новых рынков сбыта, неурожай ведущих сельскохозяйственных культур и т.п., возникает потребность в интерактивном включенном управлении. При этом существующие институты поневоле требуют расширения прав, дополнительных представительств и систем контроля. Но зачастую и впрямь: лучшее – враг хорошего. Острые оперативные задачи весьма редко ведут к скорым позитивным переменам, что плохо отражается на индексе доверия к власти. Население часто воспринимает происходящее как вмешательство в свой мир и привилегии. Неизбежное при этом принуждение встречается протестами большей или меньшей части подчиняемой публики. Часть элит, до того мирившаяся с властью, видит в ситуации открывшиеся возможности и, в зависимости от типа политического устройства, реагирует активно или пассивно одним из следующих способов: 1) возглавляет протестный электорат, переходит к активной политической или террористической борьбе; 2) уходит «в подполье» — выводит финансовые активы за пределы государства, эмиграция.

Естественным следствием происходящих перемен становится резкое обнищание народа и перераспределение капитала среди богатых ради инкорпорирования в политическую структуру новых элит.

Изменение дистанции власти и народа фиксируется как снижение параметра рафинированности власти. Выражаясь совсем простым языком, «снижение параметра рафинированности власти» - это когда власти что-то нужно (мобилизация, повышение налогов, увеличение пенсионного возраста, изменение конституции и т.п.).

Если ситуация «вызов-ответ» на уровне цивилизаций, с точки зрения некоего метауровня управления, носит фундаментальный характер, когда в зависимости от «ответа» цивилизация либо падет, либо перейдет на более совершенный уровень, то в такого же рода ситуации для общества — «возможность — воля власти» (при возникновении проблемы на уровне управления государством) оказывается достаточно реактивных изменений, сводящихся в итоге к тому, чтобы качество жизни народа не снизилось — «не стало хуже». История Древней Греции стала оптикой и для современной цивилизации; ее необоримой мудростью стала фиксация особой роли власти в социуме. При этом не имеет значения, что именно выдвигает власть в качестве своей природы права, хотя, исходя из исторического опыта и опираясь на подход В. А. Ганзена, можно вывести четыре таких фактических основания (табл. 1).

Таблица 1 -Основания природы права

Силовые структуры. Преобладающие ресурсы.	Осведомленность. Источник идеологии.
Инициатор событий. Стыд. Страх. Норма.	Практика и традиции. Свой / чужой.

Вслед за правящей аристократией Древней Греции, придумавшей собственные деньги и оставшейся их источником и основным распорядителем, на следующем витке истории в XIX веке элиты фиксируют свой габитус в трансформационных процессах истории как носители и распорядители идейного представления. Теперь они являются носителями знания о том, что народ является источником договора о легитимности власти. «Левиафан», который изначально предстает островом спасения, впоследствии меняет свой облик. Растущие амбиции субъектов власти превращают Левиафана в источник китового жира, который можно продать, а весь народ, спасающийся на его теле, пытаются обречь на Тартар.

Социолог Г. Тард отметил, что люди нуждаются в примерах для подражания. И желательно ярких. Многие из них можно обнаружить в фольклоре. Другие — в исторических сведениях о героическом прошлом нации или ее отдельных героев. Миф представляет собой совершенный синтез событий и их вольных интерпретаций, закреплённый в культуре и служащий эталоном идентификаций. Как был ёмко в психологии определен сон: «небывалая комбинация бывалых впечатлений», как была определена причина бедствия рядового гражданина цивилизации западной традиции: «Ницше сказал. Бог умер. Человечество выпало в лут» (то есть стало законным трофеем. О дне сегодняшнем пророчески, хотя и наивно рассуждал Карлейль: «Руководители промышленности являются в существе вожжами мира; если в них не будет благородства, то никогда не будет более аристократии... Пусть вожди промышленности уединятся в свои собственные сердца и торжественно спросят: можно ли там открыть что-нибудь, кроме волчьего голода к тонким винам и хвастовству челядью и раззолоченными экипажами... Трудящийся мир столько же, как и воюющий мир, не может быть руководим без благородного рыцарства труда и законов и определенных правил, из него вытекающих...» [4, с. 123; 9]. Можно и так определить миф: «Один и тот же видят сон». Обращение к мифу на новом витке давления власти происходит для фиксации соотнесённости данного исторического момента с законсервированным в мифе моментом (гипотетической или реальной, но отдаленной во времени) истории, которая в результате культурной интеграции становится прибежищем ищущих и страдающих сознаний обделенного люда, мечтающего быть приобщенным к царству справедливости.

Во время значительных перемен в обществе, в особенности при переселении народов

или смене власти на ту, что воспринимает управление как протекторат, функцией мифа, который становится особенно востребован, становится функция консервации (гипотетической), современные исследователи мифа предпочитают подчеркивать, что миф — это выдумка, не имеющая под собой никакой исторической основы, но Стеблин-Каменский указывает на правдивость мифа в глазах его современников, в его определении: «миф — это повествование, которое там, где оно возникло и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [19, с. 4]) истории, к которой прибегает коренная культура ради сохранения своей аутентичности. Именно так проявляется фреймирование монархической власти и тирании, которую, к сожалению, не усмотрел «всемудрый» Аристотель. Иначе, возможно, предупрежденное человечество защитило бы себя от многих несчастий. Хотя вряд ли, ибо история учит лишь тому, что ничему не учит. Монарх полагает себя правителем по праву, а народ свой не отделяет от себя. Узурпатор же осознает особенность/единичность случая, приведшего его на вершину власти, и полагает свое право следствием своего же нераскрытого обмана и преимущественной силы, а потому полагает народ низким и податливым, не имеющим ничего общего с собственной природой. Власть, обретенная обманом или на основании концепции «нам здесь не жить», не может быть праведной. Персональное желание принять участие в политической борьбе, с психологической точки зрения, ни что иное, чем каминг-аут личности, которая признается в своей непригодности для осуществления властных полномочий, поскольку нарушает принцип рафинированности, еще не будучи на то уполномоченной. Желание же быть интегрированным в чужое общество подлежит тщательной проверке и возможно не в индивидуальном порядке, а в рамках интеграции диаспоры, лояльно настроенной к принимающей культуре.

Слишком мало доказательств того, что прогресс несет лишь благо социуму, а не просто способствует неравенству, цифровому разрыву, диктатуре, бедности и одиночеству. В одном фантастическом рассказе главный герой обретает предмет, позволяющий загадывать желания, откатывать время и избегать угроз и нежелательных событий. В процессе использования этого предмета выясняется, что плотность таких нежелательных явлений возрастает. Кроме того, вслед за героем, на сцену выходит настоящий владелец артефакта, так что расход маны (сверхъестественная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы — *прим. авт.*) оказывается максимально направлен на избегание последствий её использования. Испуганный герой решается на пожелание собственного бессмертия, в результате чего уходит в минус по мане и оказывается рабом на каменоломнях с перспективой провести в этом качестве безумное количество лет до полной оплаты своих желаний. Когда же он пытается выяснить стоимость бессмертия, оказывается, что оно, разумеется, предоставляется бесплатно, чтобы хватило времени на рабскую отработку собственной глупости [15, с. 27].

Так что цена прогресса для индивидуальности и для власти значительно разнится. Как определить эту цену для социума? Нам представляется, что дискриминант всех случаев при задаче решить уравнение, в котором выигрыш находится на стороне власти, свидетельствует не в пользу прогресса как аргумента. Впрочем, все зависит от этических принципов, из которых, по нашему мнению, ведущие: самосознание — счастливая жизнь и жизнь — счастливая возможность самосознания.

Нельзя не заметить, что чем больше дистанция между властью и народом, тем более значительные материальные свершения такого общества можно обнаружить. Да, египетские пирамиды потрясают своим величием, но как они пригодились человечеству, кроме как свидетельства величия прежних правителей и повод обогащения рентной группы бездельников, наживающихся на многотысячных смертях своих предков? Следует говорить, что зачастую необходим факт безжалостной эксплуатации как способа обеспечения известного нам прогресса. Но нужен ли в таком варианте прогресс? Есть еще более пугающие свидетельства вреда прогресса для социума. Так тотальная добыча нефти, которая является смазочным материалом между земной корой и слоями, расположенными над

мантией, приводит к землетрясениям. По мере роста населения и снижения доходов люди могут регрессировать до состояния, минимально удовлетворяющего требованиям для выплаты пенсии, — возможно, это будет «мозг с едва брезжущим сознанием, погруженный в контейнер и подключенный к снабжению кислородом и питательными жидкостями, который обслуживают машины и который способен накопить немного денег на воспроизводство путем клонирования себя специальным роботом-техником» [3, с. 259]) царствования «высокоморальной обезьяны». Но до тех пор, пока не решен натурфилософский вопрос о вероятности существования души и возможности передать ее неорганическому носителю, разве не право великое есть защитить человека пред богом? Даже если этот бог — грядущий результат доминирующей функции прогресса — бог «из машины» («тот, кто видит во вселенной один только механизм, фатальным образом упускает совершенно из виду тайну вселенной. «Изгнание всякого божества из человеческого представления о мире в моих глазах — жесточайшее животное заблуждение; я не говорю — языческое, чтобы не оскорблять язычества, каково бы оно ни было вообще. Это неправда; это в самом существе своем ложь. Человек, думающий так, будет думать неправильно и обо всем остальном: первородный безбожный грех извратит в корне все его суждения. Это заблуждение мы должны считать самым плачевным из всех заблуждений, плачевнее даже колдовства. Впадая в примитивную магию, человек поклоняется, по крайней мере, живому дьяволу, а здесь он поклоняется мертвому железному дьяволу; ни Бога, ни даже дьявола! Все благодарное, святое, всякое вдохновение исчезает, благодаря этому заблуждению, и повсюду в жизни остается одно презренное *carut mortuum* [мертвая голова - прим. авт.], — механически связанная оболочка, из которой дух живой исчезает совершенно... Человек становится параликом в духовном отношении: божественная вселенная — мертвой, механически связанной паровой машиной, работающей благодаря только двигателям, нажимам, рычагам <...> и ожидает своей жалкой смерти» [4, с. 76]). И Прометей, и некий, оставшийся неизвестным общественности, ирландец Стивенс пытались это сделать:

Я видел Бога! Думаете, вру?
Я лицезрел Всевышнего не спьяну!
Он опирался на вершины гор,
А борода струилась на ветру
За край Земли! И зоркий Божий взор
Скользил по суше и по океану...
Я врать не стану!
У Господа был недовольный вид.
Он был сердит!
Я видел его близко - вот как вас!
Чело его от гнева излучало

Ужасный свет! И он ворчал устало:
«Планетка эта мне не удалась,
Тут все не так - все, с самого начала!»
И он занес ладонь
Над маленькой вертящейся Землею!
Но встал я на пути, кричу: «Не тронь!
Не видишь, что ли, кто перед тобою?»
Он пригляделся - и расцвел:
«Так ты не помер, дорогое чадо!
Я рад!» ...И руку страшную отвел
[20, с. 301-302].

Ответ на сущность природы человека нам неизвестен, однако, пожалуй, стоит оставить гипотетически его именно таким, пока не станет очевидным, что мы — «... до известной степени мы находимся под влиянием и вымышленных персонажей, созданных опять-таки человеческой фантазией для удовлетворения все того же человеческого воображения [3, с. 170], тени Великих мыслей (по Платону), или еще какая-либо умозрительность. Потому, кстати, нельзя принять решение Сократа о том, что жертва собой ради этических принципов является судьбой, достойной Мудреца. Великий Сократ серьезно говорил о том, что в нём есть некий дух, который помогает ему не совершать дурных поступков. Кроме того, он говорил, что демоны - это боги или побочные дети богов. И эта вера была повсеместна в его время. Все нимфы и другие духи - всё это демоны, они все именовались этим словом» [7]. Потому признать самоубийственный поступок Сократа с отказом за достойный образец можно лишь с определенным скепсисом. В продолжение темы

рассмотрим рождение инакомыслия. Повседневное восприятие судьбы своего народа становится попыткой определения уровня пассионарности источника власти. Но даже при аргументированном принятии позитивной оценки, к нему остаются вопросы: Насколько власть рафинирована? Может ли она справиться с проблемами своего возвышения таким образом, чтобы это служило пользе своих подданных? Иначе говоря, в чем цель ее возвышения?

Это бывает трудно понять сразу, при активном предвыборном пиаре, но уже в первое полугодие правления обычно появляются существенные приметы. Хотя их официальная трактовка всегда в пользу власти, в политическом дискурсе поневоле возникает инакомыслие. Опыт Германии 30-тых выявил феномен «выученной беспомощности», который можно воспитать в текущем поколении, но он не закрепляется генетически, в силу чего каждое поколение нужно снова «пичкать» информационным потоком, чтобы получить апатичных людей («для инвесторов самым выгодным было бы создать виртуальных работников-«рабов», готовых трудиться за зарплату на уровне прожиточного минимума. Сделать это можно было бы, копируя тех работников, которые уже согласились на такие условия. Путем соответствующего отбора (и, возможно, некоторого изменения кода) инвесторы могли бы создать работников, которые не только предпочтут трудиться добровольно, но и решат пожертвовать своим работодателям все дополнительные доходы, если такие вдруг появятся» [3, с. 261]. Такой процесс в глобальном мире контролировать невозможно, поэтому политика изоляционизма на государственном уровне должна заставить насторожиться. Нельзя забывать, что консолидация общества, достигаемая через изоляционизм, включает методы борьбы с инакомыслием и плюрализмом - верными показателями существования демократических ценностей. Способность правления без принуждения и изоляции является показателем высокой пассионарности власти. Без такой пассионарности интернациональная активность США была бы невозможна. Но есть свидетельства [8] того, что политическая система США сегодня сделала невозможной гибкую и изобретательную политику, и в жизни «мирового жандарма» грядет новый этап изоляционизма. Чему и свидетельствуют заявления Трампа. В тезисе: «чем более абсолютна власть, тем далее от такой позиции, как правило, окажется власть следующая» — имеется в виду не смена правителя, а последствия изменения вектора правления. Суть же принципа сводится к развитию в обществе принципа самоконтроля. Психологи знают, что /балованные/деструктивные дети оказываются продуктом воспитания наиболее властных контролирующих родителей. Ибо потребность контроля детерминируется внешним источником, самоконтроль же остается в зачаточном состоянии. Аналогичные процессы происходят и с обществом, обычно зрелость которой трактуется на основе той или иной социальной утопии.

В соответствии с традицией, заложенной еще в древности, руководствуется двумя принципами, имеющими глубокую историю управления и контроля поведения: выгода и этика. Один обеспечивает выживание, другой идентифицирует принадлежность к роду человеческому (табл. 2).

Таблица 2 - Принципы контроля

Контроль	Выгода	Этика
Внешний	Экономика	Идеология
Внутренний	Политика	Общественное мнение

Приведенная таблица отражает современную интерпретацию сфер контроля в той мере, в которой существуют сами понятия, отражающие глубинную суть «заградительных средств и побудительных мотиваций». К сожалению, более точных определений не находится, поэтому - пояснения:

- Внешний контроль, основанный на выгоде, в современном обществе, где безопасность редко зависит от длины копыта или остроты меча, где здоровье сводится к

сумме, которую можно за него выложить, сводится к персональным экономическим возможностям.

- Внутренний контроль, основанный на выгоде — это границы того, что можно себе позволить. Это границы сферы возможностей, обусловленной своим политическим положением в обществе. Сюда входят авторитет, популярность и другие имиджевые составляющие, которые удастся конвертировать эту публичность в основание юридического снисхождения).

В целом, контроль посредством выгоды ориентирован на формирование единых принципов стратификации общества. Установление единообразных целей достижения задает известную нам «гонку выживания», что облегчает власти контроль населения, в том числе, способного выжить в обществе и иными путями. В результате, все стремятся быть успешнее, стать «круче» окружающих.

- Идеология, как навязанная властью внешняя этика, не приобретает стратегической значимости в государстве. Это тактическое высокоэффективное решение, подчиняющее политически, экономически, социально активных граждан. Не в той степени, на которую рассчитывает власть, но обеспечивает толерантность, формирует моральный облик передового отряда человеческой популяции (ее активных граждан).

- Общественное мнение - «то, чего нет» в эпоху постправды, но мы ее фиксируем дабы актуализировать парадокс отсутствия общественной солидарности. Под этой солидарностью мы подразумеваем не навязанную идеологически, а естественно проявленную как результат самоконтроля обществом существующих в нем дискурсов.

- Последние попытки построения горизонтальных связей в современном обществе... Ну и для самых «олдовых» напомним советский опыт устройства ярмарок. Установление горизонтальных связей в обществе, его консолидация, воспринималась как приоритетная политика государства.

Этический контроль в целом не будет выглядеть так впечатляюще, как государственная информационная политика или фактически взращенная в обществе агрессия, ожидающая, пока ее спустят с поводка. «Зрелый человек, находящийся на подходе к вершине жизни, способен видеть дальше. Он различает скрытые очертания прошлого, нити повествования, ускользнувшие ранее от его взгляда, и видит собственную жизнь целиком. Кроме того, он замечает удачные совпадения - «точки пересечения множества сходящихся линий» [17, с. 324]. В. Парето, рассматривая ротацию элит, которую он считал циклическим явлением, связанным с попеременно наступающей потребностью единения или иерархизации внутри государства, приходит к выводу, что подобное явление прослеживается с Античности: «Отчасти сходные с сегодняшними процессы, о которых нам рассказывает история, развиваются неравномерно и не монотонно, но всегда волнообразно, принимая то или иное направление, хотя это не мешает различить общий ход, заслоняемый временными колебаниями. Эти колебания порождаются самой природой людей, отношения которых с правительством зависят от факторов, делящихся на две группы: связанных с достижением согласия и связанных с применением силы» [17, с. 60]. Просматривается, что, в отличие от марксистского подхода, действующей силой трансформации Парето считает цикл политического возвышения и вырождения соответствующих элит (сегодня мы бы назвали такой процесс результатом, а причиной его - перемены в общественных отношениях), а не социальные процессы солидаризации народных масс.

Парето также уделяет внимание и народной воле. Однако он полагает, что демагогические средства парламентской плутократии всегда способны поставить народные массы на службу собственным политическим и экономическим целям. Причина этого в том, что граждане государства ограничены в возможности влиять на собственное экономическое благосостояние и тянутся за теми вождями, кто способен давать пустые, но очень соблазнительные обещания процветания. В. Парето — один из адептов социологической экономики: «В наблюдении, что общество есть продукт совокупности капиталов, частных или коллективных, заключается большая доля истины, которая вытекает из того, что

существуют некие границы, некие плотины, за которые социальная эволюция не в состоянии выплескиваться» [17, с. 183].

Как мы уже заключили выше на примере социальной картины Англии XIX в.: «Рабочий класс формировался как сообщество с новым уровнем самосознания в силу освобождения от территориальной привязки по мере становления промышленности, управляемое энергией противопоставления себя устаревшей среде. Вызов «Прометея» обуславливается возможностью через прометеевский дух и выразить протестное движение рабочих, и найти свое место для элиты и власти». Это не может устроить ни власть существующую, ни элиту, которая только стремясь во власть и старается оседлать силу массы посредством популизма и декларации солидаризации народной воли. «Политикан стремится быть сторонником теории солидарности, следуя желанию получить деньги, власть, почет. При изучении данной теории это его стремление, свойственное почти всем политиканам независимо от того, отстаивают ли они черное или белое, будет просматриваться только мимолетно» [16, с. 138].

Если же рассматривать современное положение дел, то, как и предвидел Карлейль, именно вожди промышленности сегодня зачастую становятся политическими вождями или их соправителями. Их политическая позиция никогда не будет на стороне демократии: «В словах, формулирующих знаменитый принцип Античности: «Одновременную власть многих нельзя считать правильной», – слышится голос наших капиталистов, протестующих против контроля, который политики хотят ввести в промышленности» [17, с. 156]. Кроме анализа, критики и развенчания иллюзий, до которых общественности обычно нет никакого дела (по Псевдо-Ксенофону, «народ <...> хочет быть свободным и управлять» [18]), хотелось бы обосновать некоторые простейшие принципы политической системы, в отсутствие которых не достижимо демократическое общество. Во-первых, участие в политической деятельности не должно сулить никаких благ. Это должно не только контролироваться аналогом ревизионной комиссии для чиновников различного уровня, вплоть до сенаторов, но и в случае обнаружения фактов нарушения должно сопровождаться прописанными публичными формами автоматического наказания, начиная с обязательного пожизненного отлучения от политической сферы, конфискации приобретенных благ до уголовного преследования и публичного морального осуждения. Участие в политическом истеблишменте должно стать рандомно-выборной повинностью, не зависящей от принадлежности к элитам. Собственно, еще «пуританин» М. Вебер указывал, что «... тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов» [5, с. 59].

Здесь возникает вопрос возможности контроля лобби, которое стало источником дохода депутатов и серьезного общественного неравенства, убийцей инициатив мелкого и среднего предпринимательства. Вот в этом вопросе скрывается отсутствие политического курса на развитие демократического народного государства.

Во-вторых, следует отказаться от такой мертворожденной теоретической конструкции: политизация «как привнесение в процедурные аспекты политики содержательного контента. Политизация выполняет важнейшую общественную функцию - позволяет политике и политикам оставаться актуальными и адекватными обществу» [6]. Концепция обслуживания власти (сервилизм) должна быть неприемлема для академической науки. Наука должна обслуживать государство, его граждан и истину. Именно в такой последовательности. Или, если заменить это понятиями, понятными титану Прометею, то это будет «человечество», «люди», «прогресс».

Тогда, видимо, политизация - это привнесение в общество политического нарратива с целью выработки демократических решений (т.е. принятых народом). Вовлечение народа в политические процессы должно коррелировать со степенью индивидуальной ответственности за судьбу Родины. Рассмотрим такие исторические события, как переселения и завоевания. «В период переселений и завоеваний царская власть была еще

необходима; но по миновании его миновала необходимость и в царской власти», – выше цитировали мы В. П. Бузескула.

Про царскую власть нам известно уже из исторического опыта Древней Греции, но более универсальный принцип должен гласить, что оперативные, иначе говоря, неотложные тактические задачи высокой сложности, требующие высокой скорости принятия решений и большой креативности, гораздо легче осуществляются при системе единоначалия.

Достаточно органичные примеры такой узурпации в античности, в особенности классического и эллинистического периода, не свидетельствуют о неизбежном наступлении репрессий. Со всей полнотой проблема узурпации власти встает только в Римской республике, но тогда мысль о прометеевском подходе к оценке власти или преобразованию властных отношений были в ходу лишь у самых обреченных сенаторов. Основная угроза государству постепенно перемещалась к внешней (варварские набеги), вслед за которыми следовала массовая миграция, как в сам Рим, так и в подконтрольные ему области. Типичной проблемой позднего Рима были организованные пришлыми варварами грабежи римских предместий. Их причина не в какой-то особенной природе этих варваров или слабости организации центральной власти. Это полностью социологическая проблема, основанная на столкновении формаций не граждан с жителями республики. Такая проблема, например, недавно также встала перед властями японских префектур, в которых размещены американские военные базы. Если вкратце определить проблему узурпации власти сегодня: те, кому была доверена власть как право на распоряжение ресурсами, не должны были бы рассматривать это право как основание превращения функции администрирования в функцию экономической регуляции отношений с гражданами государства, этического или юридического обоснования собственной исключительности и тому подобных заблуждений по праву носителей силы. К такому выводу мы приходим, рассмотрев исторический период жизни Афин, непосредственно предшествовавший появлению трагедии Эсхила. Однако данный факт можно признать только за этим уникальным периодом царства демократии, когда капля мнения одного политика тонет в океане людских голосов. Во всех прочих случаях простейшая административная функция приводит к парадоксу тотальной узурпации: «Парадокс власти проявляется в полную силу: уничтожаются именно те практики, которые позволили получить власть. Мы добиваемся власти и сохраняем ее благодаря эмпатии, но, получив власть, перестаем обращать внимание на других. Мы добиваемся власти и сохраняем ее благодаря щедрости, но затем уступаем жадности и стремлению удовлетворить личные потребности» [11, с. 97]. Да, власть парадоксальна. Она предоставляет разнообразные социальные права, при этом отнимает у социальных институтов и индивидов, обеспечивающих их деятельность, реальную власть – доступ к управлению и в тоже время обеспечивает последнюю новыми вариантами функционирования.

Список использованных источников

1. Бласко, И. В. Избранные произведения [Текст] : [Пер. с испан.] / [Вступ. статья, с. III-XXVIII, и примеч. З. И. Плавскина] ; [Ил.: Н. И. Альтман]. - Москва ; Ленинград : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1959. - В 3 т. Т. 2. С. 309–585 [электронный ресурс] // Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/BLASKO/mertweye.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 05.06.2025).
2. Боровой, К. Страна на грани педикулеза / «АиФ». – № 43(888), 1997. – 16 с.
3. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, Эл. книга. 2016. – 492 с.
4. Булгаков, С. Н. О социальном морализме (Т. Карлейль) / С.Н. Булгаков Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с.
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер; [пер. с нем. и вступит. ст. А. Ф. Филиппова]. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 292 с.
6. Данилов, М. В. Политизация в современном обществе как объект политических

исследований / Доклад. Пятый Всероссийский конгресс политологов Москва, 20-22 ноября 2009 г. [электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (дата обращения 01.05.2025).

7. Зубов, А. Б. Демон и человек в религии Древней Греции (лекция 75) [электронный ресурс] // Режим доступа: https://abzubov.com/new_course/lecture_075 (дата обращения: 20.05.2025).

8. Капчан, Ч. Тонкий баланс для американской политики [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/izolyacionizm-vovlechyonnost/> (дата обращения: 23.05.2025). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-174-183

9. Карлейль, Т. Прошлое и настоящее / Пер. Н. Горбова, гл. «Вожди промышленности» [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 23.05.2025)

10. Карлейль, Т. Теперь и прежде / Сост., подг. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.

11. Келтнер, Д. Парадокс власти: Как обретают и теряют влияние. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 190 с.

12. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

13. Лефевр, А. Производство пространства. – Москва: «Strelka Press», 2000. – 334 с.

14. Мамедов, А. К. Логос Демоса. Судьба Прометея : от Эсхила до Шелли / А. К. Мамедов, Д. Г. Горлач, М. Е. Горлач. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-317-06928-5.

15. Мамедов, А. К. Эготизм как форма политического лидерства в современном мире / А. К. Мамедов // Теории и проблемы политических исследований. – 2024. – Т. 13, № 9-1. – С. 23-32.

16. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой ; науч. консульт. Н. А. Макашёва. – 2-е изд. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.

17. Парето, В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. – Москва: Издательский дом «Территория будущего». – 288 с.

18. По Псевдо-Ксенофонт (§ 1.2.) «Народ <...> хочет быть свободным и управлять» [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1342165208> (дата обращения: 23.05.2025)

19. Стеблин-Каменский, М. И. Миф. – Ленинград: Наука, 1978. – 104 с.

20. Стивенс, Дж. Что рассказывал Томас в пивной // Пер. М. Бородинской / Поэзия Ирландии. – Москва: Художественная литература, 1988. – 479 с.

21. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии // Пер. с англ. К. Бандуровского. – Москва: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.

Сведения об авторах

Мамедов Агамали Кулам-Оглы – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: akmnauka@yandex.ru. Рабочий телефон: +7 495 939-15-74

UDC 316.008

SOCIOCULTURAL DISCOURSE OF POWER: INTERPRETATION AND GENESIS

Mamedov A.K.

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article discusses topical issues of socio-cultural aspects of the phenomenon of power in historical retrospect. The aim is to examine the origins of those realities that have a significant impact on the livelihoods of modern peoples and states on the part of government agencies. The author analyzes various parameters of control as one of the manifestations of power. The conclusion is the paradoxical position of power, which, on the one hand, grants a variety of social rights, and on the other, takes away real power from social institutions and individuals who ensure their activities - access to management.

Keywords: discourse, power, progress, socio-cultural parameters, historical background.

References

1. Blasco, I. V. Selected works [Text] : [Trans. from Spanish.] / [Introduction. article, pp. III-XXVIII, and note by Z. I. Plavskin]; [Ill.: N. I. Altman]. - Moscow ; Leningrad : Goslitizdat. [Leningr. edition], 1959. - In 3 volumes. Vol. 2. pp. 309-585 [electronic resource] // Access mode: http://lib.ru/INPROZ/BLASKO/mertwye.txt_with-big-pictures.html (accessed 06/05/2025).
2. Borovoy, K. The country is on the verge of pediculosis / «AiF». – № 43(888), 1997. – 16 p.
3. Bostrom, N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / Nick Bostrom; translated from English by S. Filin. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, E-book. 2016. – 492 p.
4. Bulgakov, S. N. On social moralism (T. Carlyle) / S.N. Bulgakov Two grads. A study on the nature of social ideals. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1997. – 589 p.
5. Weber, M. Politics as a vocation and profession / M. Weber; [trans. with him. and will be joined by art. A. F. Filippov]. Moscow: RIPOLL Classic, 2020. 292 p.
6. Danilov, M. V. Politicization in modern society as an object of political research / Report. The Fifth All-Russian Congress of Political Scientists Moscow, November 20-22, 2009 [electronic resource] // Access mode: https://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (accessed 05/01/2025)/
7. Zubov, A. B. Demon and man in the religion of Ancient Greece (lecture 75) [electronic resource] // Access mode: https://abzubov.com/new_course/lecture_075 (date of access: 05/20/2025).
8. Kapchan, H. A delicate balance for American politics [electronic resource] // Access mode: <https://globalaffairs.ru/articles/izolyacionizm-vovlechyonnost/> / (date of access: 05/23/2025). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-174-183
9. Carlyle, T. The past and the present / Translated by N. Gorbova, ch. «Leaders of industry» [electronic resource] // Access mode: <https://ru.wikisource.org/wiki> (date of access: 05/23/2025).
10. Carlyle, T. Now and before / Comp., ed. text and notes by R. K. Medvedeva. Moscow: Republika Publ., 1994. 415 p.
11. Keltner, D. The paradox of power: How they gain and lose influence. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus, 2016. 190 p.
12. Kordonsky, S. G. Estate structure of post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2008. 216 p
13. Lefebvre, A. Production of space. Moscow: Strelka Press, 2000. 334 p.
14. Mamedov, A. K. Logos of Demos. The Fate of Prometheus: from Aeschylus to Shelley / A. K. Mamedov, D. G. Gorlach, M. E. Gorlach. Moscow : MAKS Press, LLC, 2023. 256 p. ISBN 978-5-317-06928-5.
15. Mamedov, A. K. Egoism as a form of political leadership in the modern world / A. K. Mamedov // Theories and problems of political research. - 2024. – Vol. 13, No. 9-1. – pp. 23-32
16. Pareto, V. Compendium on general Sociology / V. Pareto ; translated from Italian by A. A. Zotov ; scientific ed., preface. to the Russian edition, decree. names of M. S. Kovaleva ; scientific consultant N. A. Makasheva. – 2nd ed. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2008. – 511c.
17. Pareto, V. Transformation of democracy / Translated from Italian by M. Yusima. – Moscow: Publishing house «Territory of the Future». - 288 p.
18. According to Pseudo-Xenophon (§ 1.2.) «The People <...> wants to be free and govern»

[electronic resource] // Access mode: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1342165208> (date of access: 05/23/2025).

19. Steblin-Kamensky, M. I. Myth. Leningrad: Nauka Publ., 1978, 104 p.

20. Stevens, J. What Thomas told in the pub // Translated by M. Boroditskaya / Poetry of Ireland. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 479 p.

21. Ferguson, N. Empire: what the modern world owes to Britain // Translated from English by K. Bandurovsky. – Moscow: Astrel: CORPUS, 2013. – 560 p

Author's information

Mamedov Agamali Kulam-Oglu – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akmnauka@yandex.ru. Office phone: +7 495 939-15-74